

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ ОЛИМПИА: ИКОНОГРАФИЯ ПЕШЕ-ЛЫЖНОГО ПЕРЕХОДА «УЛАН-УДЭ – МОСКВА» 1936–1937 ГОДОВ (ПО ВИЗУАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ)

И.Н. Дашибалова

Статья анализирует визуальный и идеологический дискурс материалов периодической печати Бурят-Монгольской АССР 1936–1937 годов. Использована методология генеалогии видимости власти М. Фуко как воздействие тотального характера «ока власти» на индивидов. Изучение газетного фоторяда как визуальных маркеров эпохи, документальных и дневниковых материалов позволило определить репрезентации образа «советской женщины». Раскрыты механизмы конструирования властью визуального гендерного канона, социального нормирования спортивных рекордов, определены социальные акторы «общества надзора». Реконструкция советской модели власти на региональном уровне, исходя из концепции М. Фуко, анализируется как паноптикон, функционирующий на всех уровнях системных институтов общества, в том числе в политическом и визуальном языке пропаганды. Коды власти, сконструированные в печати, картах, массовом искусстве, воплощали визуальные технологии построения коллективной идентичности в идеологическом ракурсе.

Ключевые слова: визуальный дискурс, «око власти», визуальная культура телесности, гендерный канон, «общество надзора», конструирование зрелищной практики, социальное картографирование

Исследование визуальных и текстовых материалов советского периода расширяет понимание технологии конструирования нормативного

Статья выполнена в рамках проекта «Конструирование социальных проблем: социальная история, визуальный анализ, этнография», реализованного Центром социальной политики и гендерных исследований в 2009 году при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макаруров (грант 08-90577-000-GSS).

поведения индивидов современными СМИ, их влияние на повседневные практики людей. В данной статье речь идет о визуальном дискурсивном поле и политической риторике спортивных достижений в советских СМИ 1930-х годов в Бурят-Монголии. Исследовательский вопрос, обозначенный автором статьи, можно определить как раскрытие генеалогии видимости власти, воздействие тотального характера техник власти на индивидов, обозначаемых Мишелем Фуко как субъективацию отношений власти.

Нам показалось интересным проследить механизмы конструирования властью «общества надзора» и «общества зрелища» на примере конкретного исторического сюжета, а также то, «как идеологически выстраивался женский визуальный образ, – это поможет определить и понять, какой хотели видеть женщину и как эти властные репрезентации, выдаваемые за общеизвестные истины, насаждались в обществе» [Дашкова, 2007. С. 464].

Описание визуального и идеологического дискурса раскрывается в формировании иконографии рекорда бурят-монгольской группы лыжниц, осуществивших сверхдальний пеше-лыжный переход по маршруту «Улан-Удэ – Москва» в 1936–1937 годах по материалам региональных газет. Анализу подвергнут визуальный ряд фотографий, опубликованных в газетах «Бурят-монгольский комсомолец», «Бурят-монгольская правда» за 1936–1937 годы.

В исследовании фотонаратива был применен метод визуального анализа документов, позволяющий осуществить описание элементов фотоснимков, выявить социальные знаки времени, запечатленные в фотографиях, эстетические каноны моды, взаимодействие социальных акторов.

«Око власти» как конструкт зрелищной практики

В работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» М. Фуко доказывает тезис о дисциплинарной и контролирующей функции надзора, определенной им как «око власти», которое имеет в государстве тотальный характер. В то же время обществу надзора у Фуко предшествует общество зрелища, поскольку участниками зрелища становятся и те, кто его ставит, и те, кто его разыгрывает, и те, для кого оно ставится. Паноптизм как производство управляемого, дисциплинированного субъекта проявлялся в том, что одних учили смотреть, а других устраивать зрелище. «Паноптикон – машина для разбиения пары “видеть – быть видимым”... Это важный механизм, ведь он автоматизирует власть, и лишает ее индивидуальности. Принцип власти заключается не столько в человеке, сколько в определенном, продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов; в расстановке, внутренних ме-

ханизмы которой производят отношение, вовлекающее индивидов» [Фуко, 1999. С. 295–296].

На наш взгляд, применение методологии анатомии власти к анализу советского общества возможно, так как «Фуко обратил внимание на смещение фокуса грубой государственной власти к тонким механизмам власти, распространявшимся на весь социальный механизм» [Плампер, 2004. С. 7]. Тиражирование образов девушек, комментирование их перехода в газетах, преподносимые как идеал советской девушки, понимается нами в фукольдианском смысле как тонкий механизм управления, «ока власти» в печатных текстах, а в моделях поведения спортсменок – как сконструированный унифицированный коллективный субъект.

Исследования, опирающиеся на подход Фуко, главным образом сконцентрированы на текстовом дискурсе, мы же попытались применить визуальный анализ в раскрытии «ока власти». Текстовые дискурсы в анализе анатомии власти используются в различных работах, возможно, потому, что власть понимается как объективная социальная система, измеряемая и описываемая лингвистическим анализом. Вместе с тем визуальная культура, как и словесная, формируется по установленным властью правилам; она продолжает словесную, комментирует ее. Телесные техники соответствуют историческим канонам времени, и тем самым оказываются лояльны власти. Установленная система коммуникации (в данном случае посредством прессы) расширяет циркуляцию символов власти как в газетной риторике, так и в сопровождающих статьи фотоматериалах.

Образ лыжниц циркулировал в прессе продолжительное время, в каждом номере наиболее массовых изданий БМАССР на протяжении полугода публикуются фотографии, сводки передовиц, фрагменты дневников девушек и политруков о перипетиях перехода. Мировой рекорд, поставленный девушками, предстает во всем драматизме и коллизиях как в репортажах журналистов, эмоциональных рассказах участников, так и в подробной визуализации.

Читателям, выступающим, в том числе, в роли зрителей сконструированного зрелища, если можно так выразиться, «социализируют глаз», настраивают оптику видения достижительного поведения, демонстрируют то, как должна выглядеть девушка страны Советов. В 1936–1937 годах в региональных изданиях репортажи о сверхдальнем переходе занимают равный объем наряду с освещением военных действий в Испании, публикацией материалов различных пленумов ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ, утверждением сталинской Конституции, комментированием процесса троцкистов. Причиной такого паноптического внимания местных масс-медиа является инициатива руководителей автономии, вопреки запрету Всесоюзного комитета физкультуры и спор-

та ¹, осуществить поход и максимально осветить его [Фомин, 2002. С. 10]. Данный поход был, безусловно, идеологически окрашен. Власть в лице руководителя республики, комсомольской организации и печатного органа ВКП (б) срежиссировали и поставили зрелище, презентующее республику. Лыжницы выполняли несколько функций презентации автономии на уровне союзного события, они играли роль актеров зрелища, или реалити-шоу, если выражаться современным языком: демонстрировали этническое лицо республики, показывали спортивное достижение, представляли комсомол и, в конце концов, женское лицо. Как отмечает Ги Дебор, советская система выступала строем централизованного зрелища в отличие от капиталистического общества распыленного зрелища [Дебор, 1998].

Применительно к описываемому сюжету мы применили метафору «Олимпия» по аналогии с документальным фильмом немецкого режиссера Лени Рифеншталь о Берлинской Летней Олимпиаде 1936 года, снятым по заданию А. Гитлера. Рядом исследователей-киноведов [См.: Барзах; Викулина] отмечается, что операторские приемы, впервые изобретенные в этом фильме, и кинематографическая технология режиссера могут расшифровываться как культивирование властью спортивных достижений, демонстрацию силы человеческого духа, «конструирование коллективного тела нации» [Сарна]. Пятёрка бурят-монгольских лыжниц, установивших мировой рекорд, как и атлеты Лени Рифеншталь, олицетворяли визуальную культуру телесности тоталитарного общества.

По словам Н. Лебиной, «[м]одернизм внедрил удобные способы контроля над телами, и эти новые дисциплинарные формы позволяли элиминировать индивидуальные телесные характеристики, так как требовали интернализации фиксированных стандартов гигиены, движений и диеты. Природа – и тело как ее составляющая – в марксизме-ленинизме (как и в либерализме и социализме) расценивалась как объект освоения и подчинения [Лебина, 2007. С. 58]. В идеологическом дискурсе 1930-х годов формируется наряду с другими канонами советского человека образ «здорового, сильного, смелого борца за социалистическое Отечество». Данный социальный миф широко используется в произведениях советских песенников, вспомним: «Нам нет преград на море и на суше», «Чтобы тело и душа были молоды, ты не бойся ни жары и ни холода». Спорт, физкультурно-спортивные достижения, широкая военная подготовка являлись инструментом формирования но-

¹ По воспоминаниям И.С. Альцмана, Михею Ербанову удалось заранее отправить бурятских спортсменов до инспектирования их готовности к переходу представителем Всесоюзного комитета физкультуры и спорта, мотивировав личным указанием И.В. Сталина, санкционировавшего дальний переход [Фомин, 2002. С. 10].

вого советского человека. В довоенное время наиболее масштабно, в сравнении с другими странами, в Советском Союзе и в гитлеровской Германии естественный энтузиазм и порыв людей к героическим подвигам использовались пропагандистской машиной государства. Проведение физкультурно-спортивных праздников и военных парадов, использовавших единую технику движений, демонстрировало идею цельности народных масс, активно внедряемую государственной идеологией. Визуальное мифотворчество героизма, мужественности, спортивного и трудового духа свершений создавалось лучшими фотохудожниками, репортерами и кинематографическими талантами СССР и Германии. Паноптизм советской власти в описываемом случае проявился, на наш взгляд, в подробном визуальном сопровождении и комментировании спортивного события, конструировании коллективной телесности путем фотохроники, кинохроники, скульптурного и живописного искусства, обозначая, таким образом, социальное нормирование рекорда, взор, зримость власти и культивирование образов девушек.

«Бесстрашные любимые дочери цветущей республики бурят-монголов»: к истории пеше-лыжного перехода лыжниц БМАССР 1936–1937 годов

Механизм контроля и зримости власти прослеживается на материалах истории спортивного рекорда бурят-монгольских лыжниц. Данное событие прошло под лозунгом демонстрации «ликвидации отсталости на окраинах» и индустриализации национальных районов. 21 октября 1936 года был начат беспрецедентный героический 95-дневный пеше-лыжный переход пяти лыжниц: С. Тыхеевой, М. Хахаловой, Е. Константиновой, А. Сункеуевой и В. Любимской в сопровождении трех политинструкторов из Улан-Удэ, столицы тогдашней Бурят-Монгольской АССР, в Москву. Он был закончен 6 марта 1937 года удачным финишем на московском стадионе «Динамо». Всего в общей сложности им удалось преодолеть 6 045 км сложнейшего пути в условиях морозной зимы и непроходимых дорог. По окончании перехода участницы были торжественно награждены орденами «Знак Почета» (Ил. 1).

Идея осуществить пеше-лыжный переход в сложных климатических условиях принадлежит С.Б. Метелице (Ицковичу), талантливому поэту, спортсмену, активному организатору физкультурного и туристического движения в Бурят-Монголии в 1930-е годы. До описываемого великого перехода девушек он возглавлял мужские команды лыжников в двух лыжных переходах Верхнеудинск-Иркутск, сам участвовал в велопробегах и, вдохновленный идеей многокилометровых переходов, решил готовить женскую команду для маршрута в Москву. Он,

Ил. 1. На снимке: Участницы перехода (слева направо) А. Сункуева, С. Тыхеева, М. Хахалова, В. Любимская, Е. Константинова.

Начало перехода. Размещение крупным планом портретов участниц. Событию в газете «Бурят-Монгольская Правда» 26.10.1936 (ежедневное издание), уделена площадь всей газетной полосы. Девушки одеты в спортивную форму военного типа. У всех пяти спортсменок стрижки каре.

безусловно, был окрылен общей атмосферой невиданных доселе, громких трудовых и спортивных рекордов, Всесоюзных вело- и автопробегов, пробегов на лошадях через Каракум, сверхдальних авиаперелетов. Что касается участия женщин в подобных героических акциях, требующих нечеловеческих сверхусилий, преодоления климатических условий и длительных расстояний, то они все же были не столь распространены. Но не будем забывать о фетишизации эмансипированного, индустриального образа женщины 1930-х годов, поэтому образ девушки-спортсменки из далекой Бурят-Монголии моментально превратил их в героев хроники.

Таким образом, общий идеологический фон героических сверхдостижений в Советском Союзе служил подоплекой готовящегося перехода. Для автономной республики в 1936 году переход становился вопросом политического престижа, но в то же время и огромных рисков. Новизна идеи Метелицы и экстремальность перехода заключалась не только в преодолении зимой огромного расстояния практически через всю страну, но и в том, что, во-первых, в нем участвовали девушки – непрофессиональные лыжницы, подготовленные к переходу в кратчайшие сроки, во-вторых, неременным условием являлось участие в походе буряток, в связи с чем в переходе участвовали четыре представительницы коренного народа из пяти, в-третьих, окончательно команда была создана за год до перехода и в условиях высокой мобилизованности сформирован прочный коллектив.

Однако командор и организатор подготовки перехода был отстранен от участия по идейным соображениям, и команду возглавили три политрука: Л.Н. Бобыкин, А.Б. Бутунаев, А.С. Сазонов. Участие политруков объясняется тем, что они являлись проводниками власти, оказывали во время похода сильнейшее идейно-воспитательное влияние на девушек, которым в основном было по 20 лет. Так, во время похода, еже-

Ил. 2. На снимке: Финиш пеше-лыжного перехода Улан-Удэ на московском стадионе «Динамо» 6 марта 1937 года.

Второй на снимке слева – первый секретарь обкома ВКП (б) БМАССР М.Н. Ербанов, арестован в 1937 году, репрессирован в 1938 году.

вечерним ритуалом было проведение политбеседы о текущей обстановке в СССР и мире, особое внимание уделялось оценке событий, произошедших во время похода, – смерти Н. Островского, С. Кирова, С. Оржоникидзе. Политруки – «око власти», они олицетворяют мужское в этой истории. При этом они участвуют в походе, руководят им, оказывают физическую и моральную помощь спортсменкам, но в заголовках всегда речь идет только о девушках, награждают орденами тоже их. Мужчинам отведена второстепенная роль и на фотографиях, где они никогда не оказываются в центре.

Решающую роль в осуществлении и финансовом обеспечении пеше-лыжного перехода сыграл М.Н. Ербанов, первый секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП (б). Он определенно относился к данной затее как к политическому событию, с одной стороны, демонстрировавшему успехи автономной республики, манифестацию успехов нацистроительства, а с другой стороны, служившему проявлением лояльности действующей власти (Ил. 2). Идея сложного перехода, к тому же осуществляемого молодыми девушками, не была одобрена руководством Москвы. В этой ситуации Ербанов проявил дипломатизм и находчивость.

Фигура Михея Ербанова является противоречивой и драматичной в контексте истории национального региона 1937 года. По сути дела, он проводил идеологию советской власти в автономии, имея все необходимые рычаги. Однако, будучи представителем национальной элиты – двуязычной интеллигенции, – и сам был в роли «надзираемых». В том же 1937 году лидер национальной элиты Бурят-Монголии был репрессирован. Паноптический режим обозначал «проникновение правил даже в мельчайшие детали повседневной жизни посредством совершенной

Ил. 3. На снимке: Лучших сынов и дочерей нашей Родины выдвинул бурят-монгольский народ кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР!

Тов. Мария Уладаевна Хахалова (первая справа).

Последующая социальная биография участниц перехода: М.У. Хахалова стала депутатом Верховного Совета СССР в 1937 году.

иерархии, обеспечивающей капиллярное функционирование власти» [Фуко, 1999. С. 288].

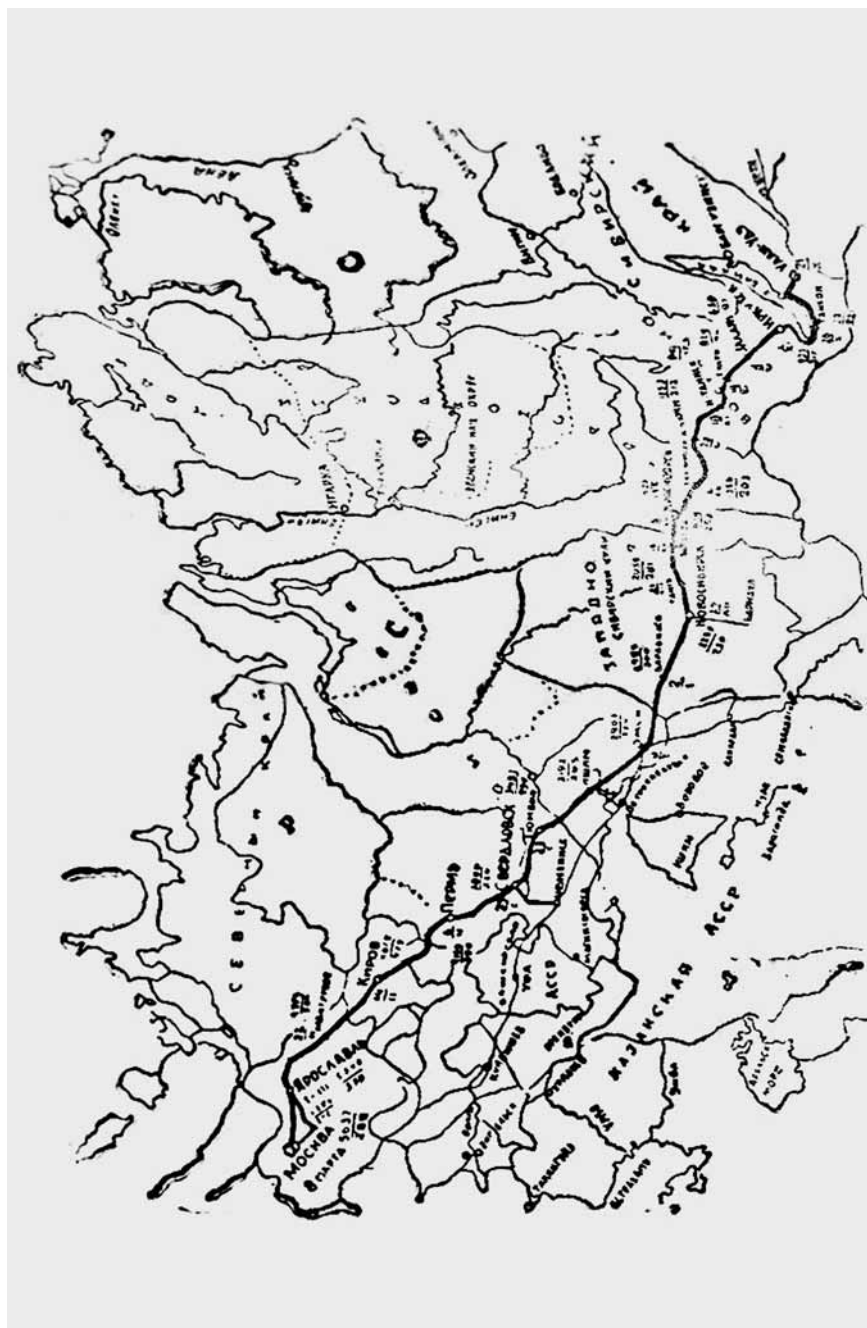
По окончании перехода социальная биография девушек, вся их дальнейшая жизнь конструируется под знаком данного события. С.А. Тыхеева по возвращении из Москвы переехала из общежития в новую благоустроенную квартиру. М.У. Хахалова стала депутатом Верховного Совета, закончила Тимирязевскую академию, стала инженером ВДНХ. Е.А. Константинова была завучем партийной школы. А.К. Сункуева работала на радио и телевидении. В.Г. Любимская трудилась на заводе в Москве. С.А. Тыхеева являлась секретарем Бурятского обкома комсомола. Все героини сюжета вышли на персональную пенсию. На демонстрациях они возглавляли колонны, отрезали ленточки на открытиях всевозможных строительных объектов и спортивных мероприятий. Такого рода исключительная социализация по сравнению с обычными советскими женщинами – от улусницы до депутата – показательна. Фактически девушки продолжали зрелищную практику, сами между тем находясь под контролем «ока власти» (Ил. 3).

Максимальная открытость, видимость перехода раскрывается в наглядном картографировании события. С.А. Тыхеева пишет в своих воспоминаниях: «Константин Трофимович (старшина команды) проводит с нами беседу о спортивных новостях города... он сообщает о том, что над «кинотеатром „Эрдэм“» вывешена карта нашего маршрута и люди ежедневно следят за продвижением флажка» [Тыхеева, 1984. С. 66]. В газете «Бурят-Монгольская правда» от 12 января 1937 года была опубликована карта пути с пометками дат остановок, например, г. Киров – 14 фев-

раля 1937 года, количество пройденных километров рядом с конкретным пунктом, например, Омск – 2 903 км, а маршрут «Улан-Удэ – Москва» выделен жирной линией через всю страну. Зрителю предлагалось не только увидеть длину пути в целом, но и наблюдать за изменением пройденного маршрута, и даже измерить его в сутках. Картографирование лыжного перехода прочитывается в нескольких смыслах, во-первых, как переход в реальном смысле, отмеченный визуально на географической карте, обозначающий преодоление дистанции между Улан-Удэ и Москвой. Во-вторых, событие читается как геополитическая карта перехода народа к социалистическому строю: *«мы продемонстрируем жар сердца бурят-монгольского народа, строящего новую жизнь»*. В-третьих, карту можно рассматривать как символический обмен достижениями между национальными автономиями, поскольку путь пролегал через различные республики, в частности, Татарскую, Чувашскую, Башкирскую, Мордовскую АССР, по задумке организаторов перехода, должен был преподнесен как подарок партии и вождю: *«спортсменки большевистки осуществили грандиозный переход»*. Видимость пространства, пересекаемого спортсменками, выступает символическим капиталом присвоения властью территорий, охваченных социализмом и отмеченных сплошным цветом с аббревиатурой СССР. Как отмечает А.В. Лукина, «[к]арта – логотип, контурное изображение территории, заполненное цветом, прочно вошла в сознание как территория – дом нации, определив границы «воображаемого сообщества» [Лукина, 2004. С. 21] (Ил. 4).

История спортивного рекорда предстает видимой историей советских национальных автономий и в красочной визуализации на сельхозвыставке в Москве. Спустя два года после завершения перехода в павильоне ВСХВ был «расписан потолок зала Бурят-Монгольской АССР... Лыжницы во весь рост как живые двигаются...» [Тыхеева, 1984. С. 132]. По воспоминаниям участницы перехода, «американский скульптор Митчелл Филдс... решил сделать скульптуру лыжницы – участницы перехода... скульптура стояла в Парке культуры и отдыха им. Горького в Москве до начала Великой Отечественной войны...» [Там же. С. 112].

«Око власти» у Фуко в ряде работ обозначается как знание, производящее послушного, управляемого, дисциплинированного субъекта, в особенности, в таких социальных институтах, как школа. Стандартизированная школьная программа в средних общеобразовательных заведениях на территории Советского Союза, единый русский язык обучения также способствовали включению индивида в унифицированные культурные практики. Путем интериоризации текстов учебников советские дети должны были впитывать коды власти даже на примерах арифметических и орфографических упражнений. В частности, интересные

Ил. 4. Карта перехода

факты дальнейшего культивирования лыжниц в школьных учебниках приводит С.А. Тыхеева:

В 1937–38 гг. учащиеся 5–6 классов средней школы по учебнику будут решать задачи по определению ходовых дней и средней скорости продвижения команды лыжниц по маршруту Улан-Удэ – Москва на 6 000 километров. А профессор С.Г. Бархударов в учебнике «Грамматика русского языка. Часть 1. Фонетика и морфология» включит следующее упражнение: «Прочтите текст и озаглавьте его, спишите, вставляя пропущенные суффиксы: “Девушки Бурят-Монгольской республики совершили отважный переход из Восточной Сибири в Москву. Выступили они в поход в ненастную октяб...ую пору, когда шли осенние дожди...”» [Тыхеева, 1984. С. 110] (цитата приводится в соответствии с орфографическим упражнением из учебника. – *И. Д.*)

В памяти народа событие сохраняется как яркая страница героического прошлого, было опубликовано несколько воспоминаний, документальных мемуаров и журналистских очерков. Регулярно в юбилейные даты проводились встречи с участницами перехода, лыжные гонки в их честь, создание музейных экспонатов в Музее истории им. М. Хангалова, в 2001 году в честь легендарного перехода на площади Революции в г. Улан-Удэ (место старта лыжниц) была открыта памятная доска с именами покорителей столь длинного пути.

Репрезентация образов девушек в прессе, учебных пособиях, экспозициях выставок, фарфоровых миниатюрах, скульптурах, комментирование похода в радиотрансляциях, постоянное телеграфное сообщение между участницами похода и руководством автономии, документальная фото- и кинохроника являлись, таким образом, технологией производства коллективного субъекта в массовом сознании, обозначая человека, работоспособного, преданного власти, без пола, возраста, национальной принадлежности и социального статуса: «Дисциплинарная власть, – отмечает М. Фуко, – производит реальность» [Фуко, 1999. С. 206].

Риторика газетного текста и визуальное прочтение образов лыжниц

Данное событие стало не просто спортивным достижением лыжного женского спорта, но и идеологической акцией. Хроника 95-дневного перехода в газетах, издаваемых в Бурят-Монголии, в сравнении с подачей других сюжетов, частотность и объем материалов о перипетиях пеше-лыжного похода пяти бурят-монгольских лыжниц из Улан-Удэ в Москву беспрецедентны, как и, безусловно, сам переход. Начиная со старта, практически в каждом номере местных газет описываются сложности и коллизии данного события. У девушек берут интервью, печатаются фоторепортажи с различных этапов пути, и, наконец, публикуется репортаж

о триумфальном финише и награждении участниц в Кремле. Соучастниками события становятся жители республики, читатели газеты, а также и союзные читатели, поскольку переход прогремел на весь СССР.

Девушки из автономной республики стали демонстрацией успехов бурят-монгольского народа (так, если в 1930 году в БМАССР только начинается государственное промышленное строительство, то к 1937 году насчитывалось 140 крупных предприятий, из них пять – союзного значения). Их культивирование в прессе стало важнейшей пропагандистской задачей региональных газет, сюжет с перипетиями перехода активно формируется в таких изданиях, как «Бурят-Монгольский комсомолец», «Бурят-Монгольская Правда», «Восточно-Сибирская Правда», «Гигант Бурятии», «Забайкальский рабочий», «Колхозник» (на бурят-монг. языке). Не обошли своим вниманием рекорд и центральные газеты: «Правда», «Известия». Если сравнить объекты фотосъемок, размещаемых в СМИ в 1936–1937 годах, то, как правило, можно выделить руководителей партии, стахановцев-передовиков промышленности и сельского хозяйства, а также героев тех лет – знаменитых летчиков, полярников.

В соответствии с патетикой журналистского стиля тех лет обращает на себя внимание формирование идеологического фона события. На вооружение взяты сильные риторические приемы, стилистические выражения, превращающиеся в стереотипные образы: «девушки пронесут знамя ленинской национальной политики», «продемонстрируем крепость наших мускулов», «бесстрашные любимые дочери бурят-монгольского народа» и т. п. Обратим внимание на такие пассажи в репортажах: «Вы понесете в столицу нашей Родины привет бурят-монгольского народа, строящего новую жизнь», «Когда-то русские-женщины – жены декабристов следовали по Московско-Сибирскому тракту за мужьями в Сибирь, не боясь жгучих морозов, теперь счастливые советские девушки, тоже не боясь лютых морозов, идут по ней в Москву» [Бурят-Монгольский комсомолец, 1937].

Пропагандистский дискурс, актуальный для второй половины 30-х годов в советской печати, – это антифашистская риторика, спортивно-оборонительная, интернациональная отражается в таком фрагменте: *«богатые спортивные данные имеют физкультурники, трудящиеся буряты, вопреки измышлениям фашистских теоретиков о “низших” и “высших” расах»*. Стоит отметить, что Бурят-Монголия, будучи пограничным регионом, позиционировалась как восточный рубеж страны, поэтому не случайно переходом подчеркивается готовность к защите границ, мобилизованность населения к возможному нападению на СССР.

Политический дискурс предлагает видение народа через отдельных представителей, пишется о том, что они – члены комсомола, это даже не собственно их подвиг, а подвиг бурят-монгольского народа, спортивное достижение как демонстрация победы социалистического строя в от-

дельно взятой республике. Как замечает А. Сарна, подобное действие служит «формированию субъекта визуального восприятия как члена некоторой социальной общности, объединенной общими целью, интересами и представлениями (в данном случае – спортивными) и опирающейся на определенные ключевые концепты и образы» [См.: Сарна]. Запущенная паноптическая машина четко манипулировала видением читателями спортсменов. «Око власти» контролирует, в том числе, высказывания участниц на уровне индивидуального письма. Так, публикуемые фрагменты дневников девушек отражают закрепленные существующие символические роли «для других»: *«когда я еще была в колхозе, я только с удивлением читала о смелых лыжниках», «но какими были бы мы комсомолками, если бы отступили перед непогодой и стали отсиживаться у теплых печек!»*.

Об аудитории газеты, читателях / зрителях зрелища говорит подборка писем и телеграмм, поступивших в редакцию «Бурят-монгольской правды», это отклики рабочих промышленных гигантов (паровозовагоноремонтный, стекольный заводы, вольфрамовый комбинат), физкультурников общественных организаций «Спартак», «Динамо», колхозников сельхозартелей аймаков БМАССР, красноармейцев, московских студентов-земляков и множества других людей, среди которых – не только жителей республики.

Таким образом, газеты активно реагируют на переход лыжниц, они формируют читательское восприятие, в особенности социализирующей молодежи, фактически призывают к массовому занятию спортом и физкультурой. Читатель / зритель волей-неволей включается в идеологический конструкт эпохи, становясь участником зрелища.

Жанр фоторепортажа в Бурят-Монголии в 1920–1930-е годы набирал свою силу, находился в становлении и в соответствии с общесоветской политической пропагандой, заимствовал приемы подачи социально-политической информации центральных изданий. Фотографии примечательны тем, что отражают композицию, ракурс кадра, комментарии к фото, размещение снимков в региональной газете в соответствии с дизайном центральных газет «Правда», «Известия» и социальной рекламой 1930-х годов.

Как уже отмечалось, переход был детально описан в газетах, но также и подробно была размещена его фотохроника. Героини публикуются на протяжении полугода всегда на передовицах газет (на первых полосах газет), уделяется значительный объем газетного листа визуализации спортсменов. В ходе постоянного описания события у читателя (зрителя) происходит привыкание к фотографическому образу. Подача фотоматериала эффектна даже в условиях низкого разрешения офсетной газетной печати, которая часто похожа на рисунки. Пристальное внимание уделяется визуальному вычленению лыжниц из ряда обычных советских

людей. Фотограф выхватывает в лыжниках типическое и в то же время героическое. Во-первых, на фотографиях лыжницы выглядят жизнерадостными, ничуть не уставшими от многокилометровых переходов, во-вторых, главным образом, на снимках отражен крупный план и, конечно, продемонстрированы спортивные техники в положении лыжного бега, общая ритмичность тел в спортивном движении. Таким образом, у зрителя должно было создаваться ощущение, что данный переход несколько не труден, радостен, даже привычен для женщины.

Демонстрация героики в прессе происходит следующими фотографическими приемами: используются новый для того времени конструктивистский способ межкадрового фотомонтажа, фрагментирование, выделение, кадрирование объектов съемки, фокусировка крупного плана. В газете 6 марта 1937 года опубликован коллаж фотографий, совмещенный с живописью. Примененный монтаж сходен с графикой диаграмм, на переднем плане выделены цифры (количество пройденных километров), напоминающие показатели пятилеток, идеологическую нагрузку несет изображенная под ними башня Кремля со звездой как центр, средоточие всех сил советского общества. Лица финалисток в этом кадре совсем не различимы, акцент сделан именно на Кремле и цифре «6 070 км».

В визуальном ряду мы обнаруживаем множество различных ракурсов. В фотографическом искусстве точка съемки всегда имеет решающее значение для зрительского художественного восприятия, в зависимости от положения которой можно по-разному прочесть кадр. В основном используется фронтальный ракурс, то есть лица девушек обращены к читателю. В начале пути они размещаются на фотографиях крупным планом, в течение всего пути они публикуются общим планом (в полный рост), средним планом (по пояс), а когда девушки финишировали в Москве, их публикуют каждую крупным планом в виде портретов. Всякий раз эти кадры несут различную смысловую нагрузку: общий план выражает коллективность, крупный план выделяет победительниц, новых героев страны Советов. На общих и средних планах команда девушек позиционируется как единое целое – слаженный организм, преподносится торжество коллектива, формирующегося в трудных условиях и преодолевающего невиданные препятствия. Девушки обнимаются, близко расположены друг к другу на фотографиях, тем самым мы считываем такие символы как коллективность, дружеская близость.

Спортсменки на снимках очень одухотворены, естественны, в прическах, одежде, мимике они отождествляют элементы советской телесности 30-х годов. Т. Дашкова определяет ключевой тип советской женской телесности в 1930-е годы – «рабоче-крестьянский», имеющий коренастую фигуру, короткую прическу, широкие плечи, одетой в униформу, то есть обладающий «половой невыраженностью» [Дашкова, 2007.

Ил. 5. Использование конструктивистской техники межкадрового фотомонтажа. Смонтированный снимок, размещенный на передовице, площадью в один газетный лист, сближается по своим функциям с плакатным искусством.

С. 450]. Качественно изменяется репрезентация пятерки девушек на снимках во время прибытия их Москву. Они изображены в пиджаках, белых блузках и юбках, волосы их завиты, Привлекательные героини контрастируют с предыдущим визуальным рядом «рабоче-крестьянского типа», обусловленного полевой ситуацией. Фотографы фиксируют преобразование героинь из здоровых, сильных, но бесполой персонажей, слитых в «коллективное тело», в женственных, нарядных девушек, воодушевленных встречами с вождями, получивших ордена в Большом театре. (Сравним ил. 6 и ил. 7.)

Рождение мифа связано с визуальным вычлениением из массы обычных объектов описания (рабочих, колхозниц, детей). Такие герои в визуальной стилистике газет оказываются наравне с вождями, руководителями по местоположению в газетах, им отводится значительный объем визуальной и текстовой информации. Агитационную роль выполняют снимки явно постановочного характера «для газеты» с партийными руководителями областей, республик, которые девушки посещали на

Ил. 6. Команда лыжниц в зимней военной униформе (тулупы, буденовки)

своем пути. Наконец, финалом подобного фотографического ряда становятся снимки награждения орденами в Кремле, посещение Большого театра, встреча лыжниц на вокзале в Улан-Удэ.

В исследуемом фотонарративе считается множественная символика. Сравнение визуального и текстового материала, опубликованного в газетной хронике, позволяет вычлениить следующие маркеры и концепты:

Визуальные маркеры:

- Русский и бурятский язык на лентах участниц
- Физическая выносливость, натренированность
- Слаженность коллектива
- Лыжи как доступный и массовый вид спорта
- Преодоление препятствий, многокилометровый поход
- Военная атрибутика как символ массовой мобилизации накануне войны – буденовки, тулупы, военно-спортивная форма, защитные авиаторские очки
- Сила воли, энтузиазм, эмоциональный порыв, радость встреч
- Встречи с вождями, представителями власти
- Стрижки каре как наиболее удобные в укладке в полевых условиях и символ «эмансипе»
- Климатические условия: снег, буран, распутица, дождь, слякоть

Идеологические концепты (газетный текст)

- Оппозиция: «угнетенная женщина царского прошлого» – «счастливая советская отважная, освобожденная женщина»

Ил. 7. На снимке: 9 марта 1937 года участницы пеше-лыжного перехода встретились с секретарями ЦК ВЛКСМ

- Социалистический бурят-монгольский народ
- Советская девушка — спортсменка, комсомолка
- Советский народ как соучастник, зритель события
- 8 марта — женский день, красный праздник
- Москва, Кремль, стадион «Динамо» — финиш, Большой театр — награждение орденами
- Улан-Удэ, Площадь Революции
- Индустриальное развитие автономии
- Дружба народов, «знамя ленинской национальной политики»
- Любовь к вождю И.В. Сталину

По мысли П. Романова и Е. Ярской-Смирновой, «[п]олитический режим, в том числе, и посредством визуального дискурса власти, делал все возможное, чтобы впечатать в сердца и умы людей образы мужчины-работника, великих вождей коммунизма, колхозниц, капиталистов, детей, хорошо организованных на учебу, работу...» [Романов, Ярская-Смирнова, 2007. С. 163]. В анализируемом политическом дискурсе произошла сакрализация образа из якобы «отсталой угнетенной женщины» в модернистскую гендерную модель. Проектировщиками данного события намеренно формируется гендерный дискурс, победный финиш должен завершиться к 8 марта 1937 года — красному празднику, международно-женскому дню.

Итак, при помощи мощной идеологической машины советских СМИ, продолжительного текстологического и визуального ряда («лингвистической составляющей» конкретной эпистемы, по Фуко), девушки,

совершившие переход в 1937 году, стали своего рода политической рекламой спортивных достижений национальных автономий. Визуальный и политический фетиш «советских девушек-спортсменок, комсомолок» выполнял педагогическую функцию, был адресован, главным образом, молодежи, которая была вдохновлена событием свершения физкультурных рекордов. Что касается региональных СМИ, то местным изданиям визуально удалось воспроизвести образ «советской спортсменки, бурятки, комсомолки», со всей военно-спортивной атрибутикой тех лет (лыжи, буденовки, прически, защитные очки).

В отсутствие собственного плакатного искусства и возможностей тиражирования открыток в республике, газетные фотоснимки служили не только невероятной популяризации персонажей, но и обретению социальной телесности с этническим лицом в новом обществе, в отличие от дореволюционных фотографий, где можно увидеть бурятский национальный костюм, религиозную одежду лам. Но если дореволюционные фотографии и снимки начала XX века могли позволить себе лишь зажиточные слои бурятского населения, то массовое тиражирование снимков в газетной печати фокусируется на объектах нового «советского человека» – рабочего, колхозника, также излюбленным объектом фотографий являлись дети. В связи со случаем лыжниц происходит плановая эксплуатация образа в пропагандистских целях, визуальное и текстовое мифотворчество «бесстрашной дочери цветущей республики бурят-монголов», «комсомолки из национальной автономии», «славной лыжницы». Они олицетворяют поэтику изменившейся, трансформировавшейся женщины Азии, которая не могла быть такой в «темном дореволюционном прошлом». Подчеркивается эмансипированность девушек, их спортивная форма, активная самосоциализация в советском обществе и действительный героизм.

Событие союзного масштаба идеологически маркировало молодую автономную республику, которая на своем взлете (через полгода 26 сентября 1937 года территория БМАССР была раскроена на пять частей), ярко продемонстрировала, с одной стороны, успешную включенность в политический контекст эпохи, с другой стороны, самостоятельность в выборе необычных решений.

Заключение

Используя идеи Фуко, можно вывести следующую мысль: анализируя конкретное событие в автономной республике Бурят-Монголия в 1936–1937 годы, можно задать реконструкцию модели власти на региональном уровне как паноптикон. Функционирование политической элиты в национальных автономиях 1930-х годов раскрывалось на всех уровнях системных институтов общества, в том числе, в полити-

ческом и визуальном языке пропаганды. Согласно паноптической модели власти Фуко, власть всегда наблюдает за индивидом, производит «око власти». Публичный дискурс девушек-лыжниц в СМИ, паноптикон советской власти обнаруживается как открытость события, его просматриваемость, каждодневное освещение перипетий перехода, но в рамках существующей риторики. Данный случай расшифровывается, кроме того, как показатель лояльности режиму, готовности играть по его правилам. Инструментом конструирования идеологии включения наций в социалистическое строительство являлись официальные документы ВКП (б) и печатные органы – газеты. Историю пеше-лыжного перехода можно рассматривать как модернизационный проект Бурят-Монголии в 1930-е годы в зрелищной практике, визуальной подаче региональных газет. Максимальная близость героев к народу создавала необходимую власти готовность достигать нормативных идеалов всеми членами советского общества. Описанные коды власти, сконструированные в печати, картах, массовом искусстве, воплощали визуальные технологии построения коллективной идентичности в идеологическом дискурсе.

Список литературы

Барзах А. Событие Рифеншталь // www.guelman.ru/slava/nrk/nrk8/05.html.

Бурят-монгольская правда. Октябрь 1936 – март 1937 гг.

Бурят-монгольский комсомолец. Октябрь 1936 – март 1937 гг.

Викулина Е. «Олимпия» Лени Рифеншталь: «античное» тело в контексте эпохи // <http://viscult.ehu.lt/>.

Дашкова Т. Идеология в лицах: формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–1930-х гг. // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 436–467.

Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1998 // http://www.avtonom.org/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html.

Лебина Н. Б., Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2007. С. 21–68.

Лукина А. В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект): Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004.

Плампер Я. Гулаг Фуко // Звезда. 2004. № 8. С. 194–205.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реаль-

ность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 146–168.

Сарна А. Спорт, гендер и нация // Библиотека Визуальные и культурные исследования // <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=103>.

Тыхеева С. А. 95 незабываемых дней. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1984.

Фомин В. А., Ванчиков С. Ц. Физкультурники и спортсмены Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Ирина Николаевна Дашибалова

канд. филос. наук, младший научный сотрудник отдела истории, этнологии
и социологии Института монголоведения,

буддологии и тибетологии СО РАН,
Учреждение РАН ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ

электронная почта: risha72@mail.ru
